

А.Б. Давидсон

Почему Африка? Почему Абиссиния? (к 125-летию со дня рождения Николая Гумилева)

Так ли уж много мы знаем о молодости сверстников Гумилева? Об их вкусах, мнениях? Как сказали бы сейчас – их системе ценностей?

Да, знаем. То, что писали сами эти люди тогда. Когда? До 1914 года. Сверстникам Гумилева было 28 лет. Потом война Мировая, война Гражданская, расправы с интеллигенцией, вездесущий пресс цензуры. Те, кто остались на родине, уже в СССР, если и хотели осмыслить свою прежнюю жизнь, свое становление, то вполне откровенно поведать об этом читателю вряд ли могли – страх, цензура, самоцензура.

А те, кто уехали, эмигрировали? Да, они издали, казалось бы, немало мемуаров. Но, как правило, брались за это не сразу – не до того было, нелегко было искать себе место на чужбине. А потом? Жизнь в эмиграции не могла не наложить отпечатка на сам характер воспоминаний. У многих – романтизация той прошлой жизни. Да и другие особенности. Что ж, естественно, - писали о том прошлом, которое оказалось от них бесконечно далеко.

Когда-то Флобер составил «Лексикон прописных истин» - перечень ходячих мнений в Париже в середине XIX столетия. Мнений обо всем, о чем тогда было принято говорить.

Будь перед нами теперь такой же лексикон привычных мнений петербургского общества конца XIX – начала XX столетий – как много нового мы бы узнали!

Да и наш отечественный Козьма Прутков, порождение А.К Толстого и братьев Жемчужниковых – возродись он во времена Гумилева, пусть и в другом обличье, тоже многое помог бы нам понять.

Ну, об этом можно говорить и спорить бесконечно.

Пастернак уверял:

Повесть наших отцов,
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин,
И видится
Точно во сне.

И Ахматова вторила ему: «отцы и деды непонятны». Но приметы тех лет мы все же знаем.

Увы, сам Гумилев воспоминаний не оставил. Приходится восстанавливать по крупницам и события его жизни, и его отношение к этим событиям.

Вот его путешествия – почему, что его влекло повидать дальние страны?

Я помню суждения отца моего отчима. Он одно время был для меня дедом (оба моих деда погибли от голода под Самарой в 1921-м). Василий Адольфович Гавеман в бытность артистом Александринского театра, близко знал одну из возлюбленных Гумилева, артистку Ольгу Николаевну Гильдебрандт. Она выступала под псевдонимом Арбенина (как и дед – под псевдонимом Гарлин). Да и самого Гумилева дед встречал – и в театре и за кулисами. Говорил о нем с симпатией, но как о младшем (дед был по возрасту старше). Стихи Гумилева любил. О его путешествиях говорил вскользь, но, насколько я помню (я был школьником), объяснял их стремлением Гумилева привлечь к себе внимание, особенно – женщин. Дед никак не осуждал его за это, считал естественным: мужчине, если он не так уж хорош собой, приходится стараться быть необычным, оригинальным. Как говорил дед – «интересничать».

Должно быть, в таком суждении была и правда.

Но почему все-таки потянуло Гумилева именно в Африку? И не раз, и не два. Если только для «интересничанья», так хватило бы, может, и одной поездки? И не на многие месяцы, а так: съездил, привез трофеи, шкуры убитых львов или леопардов – и достаточно, чтобы о тебе говорили. Хватило бы, чтобы стать центром внимания, и женского тоже.

А у Гумилева – одно путешествие за другим.

И серьезные. И как же серьезно он сам к ним относился! Уже в первую мировую войну, награжденный георгиевским крестом, писал из действующей армии своему другу Михаилу Лозинскому: «...Мне досадно за Африку. Когда полтора года назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, все то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через крокодильи реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не выдавший белых в своем африканском Ватикане, - все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей и я в том числе».¹

Так в чем же дело? Почему Африка заняла такое место в его жизни?

* * *

Конечно, начать приходится с детства. Хорошо бы с рассказов его отца о дальних плаваниях. Корабельный врач, где только ни побывал, даже в кругосветном плавании на

---

¹ Неизвестные письма Н. С. Гумилева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. №. 1. – С. 74.

фрегате «Пересвет», еще в середине 1860-х. И, понятно, сыновья заслушивались его рассказами.

Но, увы, никаких свидетельств о тех рассказах не осталось. Во всяком случае, до сих пор не найдено.

По каким же сведениям мы можем судить?

Осип Мандельштам, один из самых близких друзей Гумилева, считал так: «Книжный шкаф раннего детства - спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка».

Рамки географических представлений в конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетий резко расширились. Прежде увлекались «Парижскими тайнами», книгами Эмиля Габорио, Понсона дю Террайля - романами, действие которых зачастую происходило в Европе. О дальних странах читали разве что у Фенимора Купера.

А на детство и отрочество гумилевского поколения пришлось время колониального раздела мира, и, прежде всего, Африки. Дети и подростки вряд ли знали тогда такие слова - «колониальный раздел». Но журналы, книги, газеты обрушили на них поток сведений об Африке и вообще о далеких странах. Границы мира раздвинулись до самых дальних уголков планеты. И как в наши дни романтические порывы детства и юношества связаны с освоением космоса и с научной фантастикой, так тогда - с узнаванием далеких краев Земли. Но узнавание это начиналось с экзотической романтики, с влюбленности в дальние страны.

Тогдашние мальчики видели не политическую сторону событий, а ярких путешественников, пробиравшихся в неизведанные страны. И таких путешественников, действительно, было немало. Они привлекали внимание прекрасных писателей. Жюль Верн, Луи Буссенар, Луи Жаколио, Райдер Хаггард, Редьярд Киплинг... Романтика!

Сколько же таких книг издавалось тогда в Петербурге и Москве!

Конечно, трудно сейчас установить, с каких романов начиналось увлечение дальними странами. И все-таки, наверно, с Майн-Рида. Уже к 1864 году он стал настолько популярен, что петербургское издательство М.О.Вольфа начало печатать многотомное издание его сочинений. Общее название дали такое: «Охотничьи рассказы из жизни африканских и американских обитателей». И первый же том – об Африке и бурах: «Дети лесов – Приключения молодых боэров». Том 15-й (1872 год); «Охотники за жирафами».

Том 16-й (издан в том же 1872 году); «Приключения Ганса Стерка, южноафриканского охотника и пионера».

Аркадий Аверченко считал, что мальчик без Майн Рида - это цветок без запаха.

Райдер Хаггард. Его «Рассказ охотника Кутермэна» появился в журнале «Русское богатство» в 1893 году (№ 5). Этот «рассказ», на самом деле – роман, об английском путешественнике и охотнике в Южной Африке. Существовал прообраз героя, реального человек – поэтому и роман привлекал не только яркой выдумкой, а и реальными увлекательными картинами. Вслед за «Русским богатством» его снова и снова, в разных переводах, печатали в журналах и отдельными книгами. Под тем же названием, как в «Русском богатстве» опубликовали в журнале «Юный читатель» (1906 год, № 24). А издательство П.П.Сойкина выпускало его отдельной книгой в 1903-м, а затем, сразу же, в 1904-м.

Увлечение этим романом осталось у Гумилева надолго. Уже после революции, работая в издательстве «Всемирная литература», созданном Максимом Горьким, хотел его снова издать.

Не в каком-нибудь третьесортном издательстве, а в московской университетской типографии выпустили роман Хаггарда «Джесс. Под небом Африки моей. Роман из жизни англичан в Трансваале». А в 1900-м, тот же Московский университет, снова, и в новом переводе: «Мисс Джесс. Роман из жизни буров в Трансваале». Произвел фурор и роман «Аэша» - тоже выходил отдельной книгой, и даже после этого в журналах («Природа и люди», 1908 год).

А уж «Копи царя Соломона»! Сколько раз издавались с 1890 года! И как «Сокровища царя Соломона» и как «Открытие клада царя Соломона». Сколько переводчиков работало!

Да что там! Издавался каждый из его романов. Сколько раз «Нада», или под другим заглавием: «Она. Рассказ о невероятных приключениях». Перевели и «Черное сердце и белое сердце».

Но ведь был еще Луи Буссенар. «Под Южным крестом», «Приключения в стране львов. Приключения в стране тигров», «Похитители бриллиантов», «Капитан Сорви-голова»...

Сейчас, наверно, довольно позабыт Луи Жаколио. А его «Берег черного дерева» издавался в России с 1882-го. «Путешествие в страну негров и обезьян» - с 1884-го.

Жюль Верн, слава Богу, не забыт до сих пор. А ведь «Воздушное путешествие через Африку, составленное по запискам доктора Фергюсона Юлием Верн» вышло в Москве еще в 1864-м. В Петербурге у М.О.Вольфа – в 1870-м и затем в 1882-м, как «Пять

недель на аэростате, совершенное тремя англичанами. Издано по заметкам д-ра Фергюсона Ю. Верне». Роман «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке» был не самым лучшим из произведений Жюль Верна, но разве мог он не привлечь к себе интереса в России уже своим названием?

О том, как зачитывались этими книгами гимназисты, рассказывал мне поэт и переводчик Всеволод Александрович Рождественский, он учился в той же Царскосельской гимназии, что и Николай Гумилев, только был моложе. Он говорил и что одним из любимых журналов был «Всемирный путешественник».

На всем этом вырос и Гумилев. Его путешествия, его стихотворные сборники. Его Муза Дальних Странствий.

Всеволод Александрович рассказывал, что в качестве поощрительных премий царскосельское гимназическое начальство давало учащимся роскошные тома «По Белу свету. Очерки и картины путешествий по трем частям Старого Света», написанные тем самым Александром Васильевичем Елисеевым, который организовал экспедицию в Абиссинию в середине 1890-х. Африка и зарубежная Азия там рассматривались неразрывно. Да Африка в тогдашних российских представлениях вообще не вполне еще отделялась от понятия «Восток», во всяком случае - зарубежный Восток.

Гимназисты разглядывали и еще более роскошно изданные книги о путешествиях аристократов, великих князей и самого Николая II. Он, в бытность наследником, в 1890 году, за четыре года до восшествия на престол, совершил длительное путешествие на зарубежный Восток, как официально говорилось, с образовательными целями. Он плыл от Египта до Японии, делая долгие остановки в пути - не только для торжественных встреч, но и для пышной охоты на экзотических зверей.

Его путешествие, как известно, прервалось в небольшом японском городке, где какой-то фанатик ударил его саблей по голове, и если бы сопровождавший Николая греческий принц Георг не смягчил удар, подставив свою трость, наследник российского престола поплатился бы жизнью. Злые языки говорили, будто неприязнь к Японии, зародившаяся тогда у молодого Николая, способствовала потом возникновению войны с Японией.

Поездка наследника привлекла внимание общественности, прежде всего потому, что в истории России это было первое путешествие на зарубежный Восток столь высокопоставленной персоны. В связи с этим плаванием в российских газетах и журналах много писали о странах Азии и Африки. Вышла даже книга с прекрасными иллюстрациями, на лучшей бумаге.

А что именно все-таки стояло на книжных полках в семье Гумилевых?

Последняя библиотека Гумилева когда-то находилась рядом с домом, где я провел детство. Сейчас это улица Радищева, прежде она называлась Преображенской. После того, как дом Гумилева в Царском Селе был реквизирован Детскосельским советом и ему пришлось перебраться в Петроград, на Преображенскую улицу, в дом № 5, он, с помощью друзей и учеников, перевез туда в корзинах свою библиотеку. Там она и находилась до 1921 года. Куда она делась после того, как его расстреляли?

Может быть, о детском и юношеском чтении Гумилева можно хоть в какой-то мере судить по книгам, на которых вырос его сын - известный востоковед Лев Николаевич

Гумилев. Он воспитывался в Бежецке, жил там у матери Николая Степановича. В 1988 году Лев Николаевич вспоминал о том времени:

«К счастью, тогда в маленьком городе Бежецке была библиотека, полная сочинений Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Уэллса, Джека Лондона и многих других увлекательных авторов, дающих обильную информацию, усваиваемую без труда, но с удовольствием. Там были хроники Шекспира, исторические романы Дюма, Конан Дойла, Вальтера Скотта, Стивенсона. Чтение накапливало первичный фактический материал и будило мысль».²

Какие знакомые имена, какие знакомые образы! Но Виктор Шкловский написал в старости: «Вы сейчас читаете другого Жюль Верна».³ И он прав.

Можно приводить бесконечное число и тогдашних восторженных отзывов об этой литературе, о Востоке и Западе, и отражения этих восторгов в позднейших воспоминаниях. Больше и ярче всего, конечно, у тех, кто оказался в дальнейшем связан с литературной деятельностью.

Но вот впечатления человека, который к этому был не так уж близок. Занимался политической и военной государственной деятельностью. Великий князь Александр Михайлович, племянник Александра II, женатый на Ксении, любимой сестре Николая II. Вспоминая в старости о своем детстве, он писал, как увлекался книгами Фенимора Купера. Как «доктор, Графиня Алопеус и кн. Меликов охотно играли со мной в индейцев» и «вооруженный пашкой адъютанта, доктор пытался скальпировать объятую ужасом придворную даму, которая, выполняя порученную ей роль, призывала на помощь бесстрашного “Белого Человека Двух Ружей”», то есть юного великого князя.⁴

Начитавшись книг Фенимора Купера – «как большинство моих сверстников, я мечтал о победе в Америку».⁵ И потом: «Я горел желанием посмотреть на стадо диких слонов».⁶ В 1886-м двадцатилетний великий князь, уже в кругосветном плавании, восхищался созвездием Южного Креста. «...Я глубоко вдыхаю аромат тропических лесов».⁷ Бразилия, Кейптаун, Сингапур, Гонконг, два года жизни в Нагасаки... Видит то, о чем читал в романах Пьера Лоти.

---

² Гумилев Л. Н. Биография научной теории, или автонекролог // Знамя. - М., 1988. - № 4. - С. 203.

³ Шкловский В. Жили-были. - М., 1966. - С. 31.

⁴ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. - Paris: LEV, 1933. - С. 25.

⁵ Там же. - С. 29.

⁶ Там же. - С. 79.

⁷ Там же. - С. 93.

У него даже возникло желание «отказаться от титула и остаться навсегда за границей. Молуккские острова, острова Фиджи, Цейлон и Дариллинг в Гималаях – в особенности пришлось мне посердцу».⁸

О путешествии Николая II Александр Михайлович вспоминал: «Известие о его поездке застало меня в джунглях, где я охотился за слонами».⁹

В 1927 г., уже на седьмом десятке, давно уже находясь в эмиграции, Александр Михайлович побывал и в Эфиопии.

Даже если говорить только о царствовавшем доме Романовых и о высшем великосветском обществе, то что ж: цесаревич Георгий – в кругосветном путешествии, великий князь Петр Николаевич жил в Египте, стараясь излечиться от туберкулеза. Феликс Юсупов провел свадебное путешествие со своей красавицей-женой Ириной – в Египте.

Конечно, знакомство юношества, молодежи начиналось с романтической литературы. Но для всех, кому затем хотелось получить знания о странах, известным им по романам, были широкие возможности. Труды французского географа Элизе Реклю издавались в русском переводе с 1867 года. А его 19-томная «Земля и люди. Всемирная география» выходила в России дважды. Второе, дополненное и исправленное издание, в 1899-1901-м. Тома 12 и 13 – о Восточной и Южной Африке. Дважды выходил объемистый том немецкого ученого Ф. Гана «Африка». Африке уделялось большое внимание и в четырехтомнике Ф. Гельвальда «Земля и ее народы», в двухтомнике Ф. Ратцеля «Земля и жизнь», в книге К. Риттера «История земноведения и открытий по этому предмету» - ее перевели на русский еще в 1864-м.

Да и сам 86-томный «Энциклопедический словарь», знаменитый «Брокгауз и Ефрон» - разве мало там сведений об Африке?

* * *

Но насколько созвучно было настроение Гумилева тому кругу, к которому все-таки относился он сам: литераторам, людям искусства?

Что можно сказать вот о таком письме Брюсова? Оно датировано июлем 1901 года.

«Я люблю зной. Предки мои были костромичи, но я уверен, что „небесное родство" у меня с какими-нибудь дикарями из-под тропиков... Быть голым, лежать с дротиком в руках на выжженной траве у пересохшей реки, купаться в растопленном воздухе и лениво слушать отдаленное рычание льва - мне это что-то родное и понятное. Тропическая веерность пальм, пьяное безумие растений, безобразия и ужас пресмыкающихся - мне как-

---

⁸ Там же. – С. 106.

⁹ Там же. – С. 167.

то понятнее, чем наши сосны и березы и жалкая травка, вся эта раскрашенная фотография нашего лета. Я знаю красоту зимы, люблю ее, но не люблю ее... Мечтаю о шуме водопада Мози-оа-Тунья».¹⁰

О таком настроении Брюсов рассказывал не в одном лишь этом письме. Чем это не сны Гумилева?

Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

И о Мози-оа-Тунья - водопаде Виктория на реке Замбези - мечтал не только Брюсов. Бальмонт воспел его в стихах.

«Буддийская месса в Париже» Иннокентия Анненского, «Ех Oriente lux» и «Нильская дельта» Владимира Соловьева. «Индусский воин» Федора Сологуба, «Александрийские песни» Михаила Кузмина, «Индия» и «Колониальная песня» Сергея Городецкого, «О, Азия! тобой себя я мучу» и «Азия» Хлебникова, «Египтянин» Мандельштама. Что уж говорить об Александре Грине... Этот список можно продолжать почти до бесконечности.

Александр Блок - ему, певцу Петербурга, огромного портового города, часто виделись корабли и дальние странствия.

Далеко за полночь - в дали
Неизведанной земли -
Мы печально провожали
Голубые корабли.

Бунин, казалось бы, сосредоточивший все творческие силы на русской жизни и русской природе, и он не избежал интереса к дальним землям. Испытал влияние восточных мотивов. Не обошел вниманием и Африку: «У нубийских черных хижин», «То было в полдень, в Нубии, на Ниле».

Известная в те годы поэтесса Г.А. Галина (это псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг, в замужестве Гусевой-Оренбургской) написала стихотворение «Бур и его сыновья». Эти-то стихи и стали основой русской народной песни «Трансвааль, Трансвааль, страна моя».

¹⁰ Литературное наследство. Т. 85. - М., 1976. - С. 643.

Несколько рассказов о Трансваале написал в начале нашего столетия почти забытый теперь писатель и художник Николай Николаевич Каразин. Тогда он пользовался популярностью. Вышло даже его собрание сочинений в двадцати книгах, как приложение к журналу «Природа и люди».

Да и появление самых разных африканских образов в популярных, нередко шуточных песенках и стихотворениях... Негритянки, экзотические деревья, жирафы и гиппопотамы у Николая Агнивцева. В журнале «Столица и усадьба» он открыл рубрику «Веселый крокодил». У популярной одесской певицы Изы Кремер - «Негритенок из Занзибара», «Черный Том».

Написана была трагедия «Мечь негра». Автор ее, С.В. Киссин, женатый на сестре Брюсова, выступил под псевдонимом Муни. Героем трагедии был негр в крахмальной рубашке. Он показывался в разных местах Петербурга: на Зимней канавке, в модной мастерской, в окне ресторана, где компания адвокатов и дам отплясывала кэк-уок, и пророчески произносил: «Так больше продолжаться не может» или «Это-го ни-че-го не будет».

Паустовский и в зрелые годы отнюдь без насмешки вспоминал, как манил тогдашних мальчишек «огромный материк, где... по нашим понятиям, только трубили мудрые слоны, дышали миазмами тропические леса и бегемоты сопели в жирной тине великих неисследованных рек... Африка существовала как земля для путешественников, для разных Стэнли и Ливингстонов... С охотой на львов, с рассветами в песках Сахары, плотами на Нигере, свистом стрел, неистовым гамом обезьян и мраком непроходимых лесов. Там опасности ждали нас на каждом шагу. Мысленно мы уже много раз умирали от лихорадки или от ран за бревенчатыми стенами форта, слушая жужжание одинокой пули, вдыхая запах мокрой ядовитой травы, глядя воспаленными глазами в черное бархатное небо, где догорал Южный Крест».¹¹

Чем, как не полюбившимися в детстве книгами, вызвано восклицание Мандельштама: «За рыжую спесь англичанок, за дальних колоний хинин!»

Те настроения, усиленные прекрасной приключенческой литературой, просуществовали долго.

- Я всегда мечтаю в Африку попасть, прорубаться через тропический лес, один с топором и винтовкой.

Эти слова сказаны не Гумилевым и не в его времена, а осенью грозного 1941 года на фронте. Произнес их командующий 50-й армией генерал М.П. Петров, один из первых

---

¹¹ Паустовский К. Далекые годы. – М.-Л., 1946. - С. 42.

Героев Советского Союза, награжденный еще за испанскую войну.¹² Родился он в 1898 году. Как же глубоко выросла в его сознание детская романтика дальних стран, если он говорил об этом в самые тяжелые дни Отечественной войны, незадолго до своей гибели!

* * *

С конца прошлого столетия поэты, писатели, художники уже все чаще ездили не только в азиатские страны, но и в Африку.

Больше всех путешествовал Бальмонт. Побывал он и в Африке.¹³ В Египте был в конце 1909 года и потом посвятил ему не только книгу «Край Озириса», но и множество стихов в других сборниках. А в Южной Африке и на Мадагаскаре - весной 1912 года, во время кругосветного путешествия. В одном из своих писем тогда он перечислял: «Я видел Южную Африку, Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Тонга, Самоа, Фиджи, Новую Гвинею, чудеса Яванского моря, Индию и Цейлон, нашу братскую, несчастную и великую Индию, столь похожую на Россию...»

Профессор Калифорнийского университета Владимир Маржов, блестящий знаток Бальмонта, отвечая на мои вопросы, особенно подчеркивал, что к каждому путешествию Бальмонт "тщательно готовился, очень много читал, а «в египтологии был чудовищно начитан».

Писатель Василий Иванович Немирович-Данченко после путешествия в Северную Африку издал книгу «Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания».

Генрих Сенкевич побывал в Восточной Африке. После этого он издал книгу «Письма из Африки» - она с 1895 года несколько раз выходила в Петербурге и Москве - и роман «В пустыне и пуще».

Писатель Николай Пиксанов через несколько лет после гибели Гумилева дал что-то вроде сводки об увеличении «подвижности» российских литераторов: «Старинный писатель-барин охотно ездил за границу, т. е. в Западную Европу, часто в Германию, еще чаще - в Италию и особенно часто - в Париж. Старинный писатель-разночинец, провинциал по происхождению, преодолев притяжение родины и переехав в столицу, обыкновенно навсегда застревал там. Изучая биографии современных нам писателей, видим, что они несравненно подвижней и смелей старинных. Сделав подсчеты, устанавливаю, что около 25 проц. наших беллетристов побывало за границей. „Хождение за рубеж" для некоторых, например, для Белого, Слезкина, совершилось по привычным путям - на Запад. Но многие из писателей забирались далеко на восток. Соколов-Микитов

¹² Гроссман В. Из записных книжек // Вопросы литературы. - М., 1987. - № 6. - С. 160.

¹³ Бальмонт К. Из южных далей // Русское слово. - М., 1912. - № 175.

видел Турцию, Грецию, Сирию, Африку, Новиков-Прибой, участник цусимского боя, жил в японском плену, а потом с 1907 по 1913 г. скитался за границей, как политический эмигрант, во Франции, Англии, Испании, Италии и в Северной Африке».¹⁴

Пиксанов даже недооценил «подвижность» литераторов. Андрей Белый ездил не только на Запад, а в 1911 году побывал в Тунисе и Египте. Кузмин - в Египте. Евгений Замятин во время плавания по Средиземному морю в начале нашего столетия повидал Константинополь, Смирну, Бейрут, Яффу, Иерусалим, Порт-Саид, Александрию.

А художники? Петров-Водкин в 1907 году, путешествуя по Северной Африке, побывал и на окраине Сахары. Павел Филонов в 1907 году повидал Константинополь, в 1911 - Палестину. Искусствовед Владимир Иванович Матвей (В. Марков) объездил многие европейские столицы, разыскивая в музеях предметы африканского искусства. И написал книгу «Искусство негров».

Не знаю, был ли тогда интерес к Африке у Александра Яковлева. Но позднее, в первые годы эмиграции, он пересек Африку в составе «Черной экспедиции», организованной фирмой «Ситроен». И издал прекрасный альбом рисунков. Таких, например, как «Африканский Мефистофель».

С Востоком и еще больше с Африкой связывалась простая, наивная, чуть ли не первозданная жизнь - та идеализация, которая перед мировой войной резко усилилась среди людей искусства и литературы не только в Западной Европе, но и в России. Художник Павел Кузнецов мечтал проникнуть в «тайну Востока». Максимилиан Волошин в начале 1903 года хотел уехать на Восток, чтобы, по словам Брюсова, «освободиться от европеизма». Художница Наталья Гончарова заявила: «...я отряхну прах от ног своих и удаляюсь от Запада».

Уже носились в воздухе те идеи, с которыми выступил потом Шпенглер в «Закате Запада». И те, которыми ответили ему Николай Бердяев и еще несколько российских философов, издав свою книгу «Освальд Шпенглер и закат Европы».

* * *

Наибольшее впечатление на Гумилева, очевидно, оказали книги об Абиссинии, как тогда называли Эфиопию. Их было поразительно много. Особенно – о ее сходстве с Россией. «Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена». Такая книга вышла в Петербурге в 1900-м.¹⁵ Книга «Христианская страна в Африке» издавалась в Петербурге дважды: в 1894-м и 1903-м.¹⁶ В

¹⁴ Руль. - Берлин, 14.01.1931

¹⁵ Авторы: В. Бучинский и С. Бакланов.

¹⁶ Без автора.

1895-м – «В стране черных христиан».¹⁷ И множество книг о государственном устройстве, быте, культуре, общественной и религиозной жизни.

В отличие от литературы о других странах Африки, как правило, переводной, об Абиссинии – много отечественного, российского. Офицеров, которые подолгу бывали в этой стране в конце XIX-го начале XX столетий: А.К. Булатовича, Л.К. Артамонова, П.Н. Краснова, Ф. Криндача. Врачей, которые бывали там от Российского общества Красного Креста: Д.Л. Глинского, К.С. Звягина, Н.П. Бровцына. Деятелей церкви: архимандрита Ефрема.

Вероятно, в самом начале XX столетия литература об Эфиопии была в России значительней, глубже, чем в западноевропейских странах. Почему?

Интерес к Абиссинии имел в России неоднозначные причины. Разве не привлекало – что есть в Африке страна, где религия похожа на православие?

Но было и другое. Уж больно важное геополитическое положение занимала Абиссиния. На Красном море. У выхода в Индийский океан. С 1869 года, когда завершено строительство Суэцкого канала, этот путь, вдоль берегов Абиссинии, стал главной связью Европы с Востоком. За влияние на Абиссинию боролись Италия, Британия, Франция.

Россия была занята тогда раздорами с Англией из-за Центральной Азии, но и Абиссиния, хотя, конечно, не в такой же мере, начала входить в круг российской геополитики. Отсюда и поездки офицеров генштаба, и духовной миссии, медицинская помощь и создание, в 1898 году, российского дипломатического представительства – первого в Черной Африке.

Впечатления и размышления архимандрита Ефрема (М.М. Цветаева) о поездке с «духовной миссией» опубликованы несколько раз. Сперва в издании «Душевнополезное чтение», а затем в 1901 году, еще дважды, в типографии Московского университета. Там он признал: «Рядом с сближением на почве религиозной для нас представилась бы возможность воспользоваться дружбой и в политических интересах. Наше отечество могло бы приобрести сильную позицию на красноморском побережье, у впадения Черного моря в Индийский океан. И тогда мы оказались бы в силах в случае надобности задержать Англию на границах Индии и обеспечить нашему флоту свободное прохождение в воды Дальнего Востока».

История тогдашних отношений России с Абиссинией и сопредельными землями полна событий.

Гумилев в «Африканском дневнике» упомянул об одном из них. «...Рагейта, маленький независимый султанат, к северу от Обока. Один русский искатель

---

¹⁷ Автор – Ф. Волгин (псевдоним).

приключений - в России их не меньше, чем где бы то ни было - совсем было приобрел его для русского правительства».¹⁸

Гумилев имел в виду терского казака Николая Ивановича Ашинова, который в 1888 и 1889 годах пытался во главе отряда в полтораста человек и в сопровождении архимандрита Паисия «освоить» земли на берегу Красного моря и основать к северу от нынешнего города Джибути поселение «Московская станица» (или «Новая Москва»).

Французы, претендовавшие на эту область, встревожились. Решили, что если казаки сумеют здесь обосноваться, то в конечном счете русский царь объявит это поселение под своим покровительством, и тогда у французов возникнет могущественный соперник в важном стратегическом пункте - у узкой горловины на выходе из Красного моря в Индийский океан.

Что греха таить, кое у кого из русских чиновников, купцов и церковных деятелей такой соблазн был. Нижегородский генерал-губернатор Баранов 20 сентября 1888 года направил Александру III большую записку с идеей создания в тех местах русской колонии. Добиваясь поддержки царя, он писал: «Заселение русскими выходцами африканского побережья только тогда принесет России всю массу возможной пользы, когда правительство твердо будет руководить устройством колонии и ее сношениями с соседями, а главное с Абиссиниею. Только при этом условии колония получит подобающее ей государственное значение».

Баранов предлагал даже: «В случае Высочайшего соизволения я с особенною радостью взял бы на себя съездить под видом отпуска в казачью колонию» и даже «при некотором содействии правительства образовать Российско-Африканскую компанию».

Государь послал этот документ министру иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу с пометкой: «Я переговорю с Вами об этом». И написал также: «Я желал бы знать мнение И. А. Шестакова, который, кажется, сочувствовал Ашинову».¹⁹ Морской министр адмирал Шестаков, наверное, поддерживал Ашинова, но не знаю, успел ли доложить свое мнение императору - он вскоре умер.

Ашинов был даже представлен Александру III. Победоносцев сравнивал основателя «Московской станицы» с Христофором Колумбом...

...С французского военного корабля в феврале 1889 года обстреляли казачий лагерь. Убитые, раненые... Казакам пришлось покинуть те места и вернуться на родину. Эти события ярко показаны в повести Юрия Давыдова «Судьба Усольцева».

¹⁸ Гумилев Н. Соч. в трех томах. Т. 2.- М.: Худ. лит-ра, 1991. – С. 258.

¹⁹ Ламздорф В.Н. Дневник (1886-1890). – М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. - С. 132-133.

А о скандале, который разыгрался в Петербурге после краха авантюры, можно судить по дневнику товарища министра иностранных дел Владимира Николаевича Ламздорфа.

«Государь очень раздражен против Ашинова и почти жалеет, что последнего там же хорошенько не побили; капитан Пташинский с “Нижнего-Новгорода”, встретивший эту банду в Порт-Саиде, доносит в морское министерство: “Ашинов играет в рулетку и сорит золотом, большинство его товарищей шатаются оборванные, пьяные по улицам и кабакам”. Его Величество повелел напечатать это донесение в “Кронштадтском вестнике”».

Кто знает, как бы отнеслись к Ашинову и Паисию в случае их успеха.

Но тут, конечно, постарались от них откреститься. В министерство иностранных дел принесли прокурорский рапорт трехлетней давности, «в котором констатируется совершение пресловутым Ашиновым ряда разбойничьих действий. В газетах тоже начинают проскальзывать сообщения о прошлом этого авантюриста, которого пытались сравнивать с Ермаком, Колумбом и т. п. и которого хотели возвести в роль пионера “русского дела”».

О Паисии стали говорить, что он неграмотен и что в архимандриты был посвящен только как пылкий сторонник создания колонии и лишь по настоянию Победоносцева. А сам Победоносцев теперь ездил к государю доказывать свою непричастность к этой истории. Но стрелы в него метал даже не менее реакционный князь Мещерский. Передовая «Гражданина» была прямо направлена против Святейшего Синода. «Боже праведный, если в столице русского царства и у кормила православной ее церкви мыслимы такие случайности, которые ставят Россию в возможность столкновения с другими государствами. Вина, которую на себя приняли таинственные отправители по выбору полужверя Ашинова, безграмотного монаха Паисия» и т. д. и т. п.

Одним словом, пусть неудачник плачет.

«Таинственные отправители» названы так и не были. Да их имена никто и не собирался публично объявлять. Одесский губернатор на запрос, почему он снабдил Ашинова оружием и военными припасами, ответил: «Я думал, что правительство сочувствовало этим предприятиям; что же касается вооружения и снабжения, то оно было доставлено из Николаева морским ведомством».

Излагая все эти факты, Ламздорф сделал вывод: «Между собою мы должны признать, что это печальное происшествие явилось очень кстати, чтобы открыть

Государю глаза и проучить наших псевдопатриотов, столько раз вводивших Его Величество в заблуждение».²⁰

Надо сказать, что в русском обществе далеко не все отнеслись с восторгом к такому проникновению в Абиссинию. А Салтыков-Щедрин даже всласть поиздевался. В его «Современной идиллии» странствующему полководцу Полкану Самсонычу Редее «в Африке посчастливилось». Он поступал на службу то к эфиопскому царю, то к египетскому хедиву, то к зулусскому правителю. Всех африканских владык, которым Редее служил, взяли в плен, но зато он сам «езде получил прогоны и суточные по расчету из Петербурга». Сражений Редее не выигрывал. Но московские купцы и «петербургские патриоты-концессионеры» были от него без ума. «В особенности пленял Редее купеческие сердца тем, что задачу России на Востоке отождествлял с теми блестящими перспективами, которые при ее осуществлении должны открыться для плисов и миткалей первейших российских фирм».

Все это Щедрин писал еще в начале восьмидесятых. Но у него есть уже и Редее и черноокий Лампопо, и, главное, он углядел уже тех торговцев миткалями, которые снабжали деньгами авантюристов.

Серьезное - энергичное и быстрое - русско-абиссинское сближение началось в середине 90-х годов. Абиссинии угрожало тогда итальянское вторжение. У итальянцев был удобный плацдарм: Эритрею они уже захватили.

В марте 1895 года в Аддис-Абебу прибыла экспедиция, организованная известным путешественником Елисеевым и отставным уланским офицером Николаем Степановичем Леонтьевым.

А через три месяца в Петербург приехала абиссинская дипломатическая миссия.

В конце того же года двадцатитысячная итальянская армия вторглась в Абиссинию. Абиссинскому негусу (императору) Менелику, которого за его реформаторскую деятельность Алексей Кохановский сравнил с Петром I, удалось организовать отпор и разгромить итальянцев.

Однако этим не кончились опасности, нависшие над страной. Тогда, в разгар колониального раздела Африки, не только Италия, но и Великобритания хотели поделить Абиссинию на сферы влияния.

В марте 1896 года Российское общество Красного Креста решило отправить в Абиссинию санитарный отряд и ассигновать для этого 100000 рублей.

---

²⁰ Там же. – С. 121-125, 131-137, 142-144, 157, 168.

Выпустили даже необычный нагрудный знак. Помню свою радость, когда мне подарили его в детстве - я коллекционировал дореволюционные монеты и медали. На нем надпись: «Православным братьям Абиссинии. Красный Крест России». И дата: 1896.

Был укомплектован отряд во главе с генерал-майором Н.К. Шведовым. Врачи, лекарские помощники, фельдшера, санитары и медицинские сестры. И несколько офицеров. Сестер пришлось вернуть с дороги, из Египта, после того как итальянцы отказались пропустить отряд через Эритрею и ему предстояло идти более трудным путем.

С конца мая, когда отряд достиг Харэра, там был открыт амбулаторный прием. И с июля в Аддис-Абебе стал действовать русский госпиталь.

В феврале 1898 года в Аддис-Абебу прибыла российская императорская миссия. Ее приезд фактически и означал установление постоянных дипломатических отношений. Во главе миссии был поставлен П.М. Власов. Он имел не только высокий ранг действительного статского советника, но и большой опыт дипломатической работы на Востоке - в Персии и в Иерусалиме.

Миссию сопровождал конвой - двадцать казаков под начальством подъесаула лейб-гвардии Атаманского полка П.Н. Краснова. Да, того самого Краснова. В гражданскую войну он, уже генералом, был одним из вождей Белого движения. Потом стал писателем, хотя и не отошел от политической деятельности. Пожалуй, наибольшую известность получил его роман «От двуглавого орла к красному знамени». Но первый литературный опыт он приобрел книгой «Кзаки в Абиссинии» изданной еще в 1899 году.

Это и было первое дипломатическое представительство, отправленное Россией в Черную Африку.

А после – и путешествия офицеров русского Генерального штаба и даже обучение абиссинских офицеров в российских военных училищах.

Это бурное сближение несколько ослабело затем – в связи с русско-японской войной и революцией 1905-1907 годов.

* * *

Но Гумилев всей сложности политических перипетий не знал. Много держалось тогда в тайне. Те документы, которые я цитировал, были секретны. Воспоминания - еще не написаны, дневники - не опубликованы. Человек, который очень интересовался политикой и жил ею, наверное, мог бы кое-что понять. По слухам, по недомолвкам официальных лиц. По тому, что теперь называют утечкой информации. А Гумилев? Он даже не подозревал о подоплеке экспедиции Ашинова и в своем «Африканском дневнике»

дал его провалу простое объяснение: «...наше министерство иностранных дел ему отказало».

Ясно виделась ему лишь романтическая сторона путешествий в Абиссинию.

В его детские и юношеские годы об этой стране писали так много! И уже сами названия книг: «Русский кавалерист в Абиссинии» или «Казачи в Абиссинии» - как они возбуждали мечты о странствиях!

Рассказы о путешествиях выходили не только в столицах, но и в провинциальных городах. В Гродно врач Д.Л. Глинский издал брошюры: «Харрар и его обитателя» и «Жизнь русского санитарного отряда в Харраре». Первый словарь - «Абиссинская азбука и начальный абиссинско-русский словарь» - издан в Петербурге в 1888 году.

Появилась и русская научная литература об Абиссинии. Профессор Тураев еще в 1899 году опубликовал статью об эфиопских стихах, в 1903 - брошюру «Абиссинские свободные мыслители XVII века», а затем ряд других работ.

Скорее всего это увлечение Абиссинией повлияло на выбор маршрута странствий Гумилева. Страна привлекала экзотикой, уже в какой-то мере известной, и в то же время была началом пути в края совсем неизведанные.

Всеволод Александрович Рождественский на мои расспросы обо всем этом сказал, что Абиссиния возбуждала необыкновенное любопытство царскосельских гимназистов. Как и Ахматова, он считал, что в Царском Селе служили или во всяком случае бывали офицеры и казаки из конвоя, сопровождавшего первую российскую дипломатическую миссию. А юный Гумилев, по словам Рождественского, очень любил расспрашивать военных.

Может быть, он прослышал и о том, что нескольким русским офицерам, посланным в Абиссинию, - Бабичеву, Сенигову, Трофимову – так полюбилась эта страна, что они там остались. А об Артюре Рембо, уехавшем из Франции в Харэр, он знал наверняка.

Думая об Абиссинии, ему было кого вспомнить, с кем себя сравнить...

Может быть, он, романтик, обращался и к Артюру Рембо, и к кому-то из своих соотечественников, когда писал:

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена...

* * *

Африка, как и Восток, интересовала многих наших соотечественников, современников Гумилева. Но чем его отношение отличалось? Африка не просто

привлекала его своей экзотикой, он ее полюбил, с каждым путешествием все больше. И все больше стремился ее понять.

Нам сейчас может показаться – ну, и естественно, как же иначе?

Но нет, могло быть и иначе. И у кого-то из современников Гумилева и было иначе.

Мы ведь теперь нередко идеализируем те времена, невольно сравнивая их с последующими, даже со сталинским Большим террором. Но вот православный философ Георгий Федотов, вынужденный эмигрировать из-за несогласия с большевистским режимом, все же считал, что националисты сталинских времен «как две капли воды похожи на своих отцов: националистов школы Александра III».²¹ И еще не раз подчеркивал: «Национализм оказался одним из ядов, разложивших императорскую Россию».²²

Детство Гумилева пришлось на время царствования Александра III, который считал, что у России только два союзника: армия и флот, и говорил, что Европа может и подождать, пока русский царь рыбу удит.

Великий князь Александр Михайлович вспоминал, чему учили его, как и его сверстников из дома Романовых, а значит и будущего императора Николая II.

«Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причиненный России Карлом XII в царствование Петра Великого. Полякам нельзя было простить их смешного тщеславия. Англичане были всегда “коварным Альбионом”. Немцы были виноваты тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца Иосифа, монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои “враги” были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь “священной ненависти” против всех и вся.

...Мой законоучитель ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил мое детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную Проповедь с нетерпением отвергались: “Да, Христос заповедал нам любить наших врагов”, - говаривал о. Георгий Титов, - “но это не должно менять наши взгляды в отношении евреев”. Бедный о. Титов! Он неумело старался подражать князьям церкви, которые в течение восемнадцати веков проповедовали антисемитизм с высоты церковных кафедр. Католики, англиканцы, методисты, баптисты и другие вероисповедания одинаково способствовали насаждению религиозной нетерпимости, и равным образом, антисемитское

²¹ Федотов Г. Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб.: Изд-во «София», 1992. – С. 47.

²² Там же. – С. 248.

законодательство России почерпало главные свои основы из умонастроения высших иерархов православной церкви».²³

Такое воспитание и такая политика, конечно, приносили соответствующие плоды. Одна из возлюбленных Гумилева - Елизавета Ивановна Дмитриева, вошедшая в журнал «Аполлон» как Черубина де Габриак, вспоминала о своем детстве: «Однажды, недели на две, брат стал “христианином”. Они со школьным товарищем решили “бить жидов” и вырезать у них на лице крест. Поймали мальчика еврея и вырезали у него на щеке крест, но убить не успели».²⁴

При жизни Гумилева страна пережила кровавые погромы. Возникли «Союз Михаила Архангела» и «Союз русского народа» с их черными сотнями. Газета «Русское знамя», называвшая себя патриотической, в 1913 году поучала Николая II и его министров: «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь, подлежащая истреблению за свое хищническое отношение к людям, и уничтожение которых поощряется законом... Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постепенно вымирали: вот в чем состоит ныне обязанность правительства и лучших людей».²⁵

А Гумилев? Во времена «социалистического реализма» его клеймили, среди других обвинений, и за расизм. В 1935-м писали: «Расовая теория... очень импонировала Гумилеву».²⁶ Ну не грех ли так врать? У кого-кого, а у него не было и тени национальных и расовых предрассудков. Дело не в том, что его ближайшим другом был Мандельштам, а среди любимых учениц: Вера Лурье, сестры Наппельбаум, Раиса Блох – мало ли антисемитов, у которых один-два друга – еврей? Дело не в том, что Гумилев писал: «Ведь много дней томилась Иудея».

Намного важнее, что во время мировой войны, когда Гумилев лицом к лицу сражался с немцами, получив за это три ордена, он ни разу не проявил неприязни к немецкой нации.

В письмо Ахматовой с фронта: «Ни в Литве, ни в Польше я не слыхал о немецких зверствах, ни об одном убитом жителе, изнасилованной женщине. Скотину и хлеб они действительно забирают, но, во-первых, им же нужен провиант, а во-вторых, им надо лишить провианта нас; то же делаем и мы, и поэтому упреки им косвенно падают и на нас

²³ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. – Paris: Lev, 1933. - С. 91, 92.

²⁴ Васильева Е. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» // Новый мир. – М., 1988. - № 12. - С. 142.

²⁵ Русское знамя. – Петербург, 1913, № 177.

²⁶ Волков А. Поэзия русского империализма. – М., 1935. – С. 175, 212-213.

- а это несправедливо. Мы, входя в немецкий дом, говорим “gut” и даем сахар детям, они делают то же, приговаривая “карошь”. Войско уважает врага, мне кажется, и газетчики могли бы поступать так же. А рождается рознь между армией и страной. И это не мое личное мнение, так думают офицеры и солдаты, исключения редки и труднообъяснимы или, вернее, объясняются тем, что “немцеед” находился все время в глубоком тылу и начитался журналов и газет».²⁷

А Африка, африканцы? Можно ли у Гумилева найти хоть одно слово неприязни, пренебрежения, не говоря уже о ненависти? Нет, только стремление понять, только уважение. К великой чести Гумилева – что в своих путешествиях по Африке, как и вообще в отношении к чужеземцам и иноверцам, у него никогда не проявлялось никакой ксенофобии.

Так что надо быть благодарными Гумилеву не только за то, что он знакомил нас с другими народами, далекими по культуре и всему образу жизни, не только за то, что он вызывал у нас интерес к ним. Но и за то, что он помогал нам уважать их, ценить, видеть их такими же людьми как мы!

Снова и снова читать бы его стихи и заметки об Африке всем нам – и прежде всего, тем, кто свысока или даже с неприязнью говорит о «черных»!

---

²⁷ Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. - Л., 1990. – С. 173.